

Семь дней. — 2002. — 21-27 окт. (№ 43).

с. 60-68

ОЛЬГА ОСТРОУМОВА: «НАСТОЯЩИЙ ГАФТ — СОВЕРШЕННЫЙ РЕБЕНОК, РАНИМЫЙ И НЕЗАЩИЩЕННЫЙ»

Когда Владимир Хотиненко пригласил Валентина Гафта и Ольгу Остроумову сниматься в четырехсерийном триллере «По ту сторону волков», Валентин Иосифович встревожился не на шутку. «Кино и жизнь — не одно и то же. Играть любящих друг друга людей мы не сможем, обязательно поссоримся», — убеждал он дома Ольгу Михайловну. Но авторитет режиссера и его доводы взяли верх, съемки все-таки состоялись. Что вышло из этой затеи, можно будет узнать совсем скоро, так как с 21 октября фильм начнет показывать Первый канал.

Ольга Остроумова в фильме «А зори здесь тихие...» 1972 г.

«СОВЕКСПРОФИЛЬМ»

Первая кинокороль Валентина Гафта. С Олегом Голубицким в фильме «Убийство на улице Данте». 1956 г.

«МОСФИЛЬМ»

На съемках фильма «Гараж» Валентин Гафт впервые обратил внимание на Ольгу Остроумову. Кадр из фильма. С Игорем Костолевским. 1979 г.

«СОВЕКСПРОФИЛЬМ»

— Валентин Иосифович, ну и как, ваши опасения подтвердились?

— К счастью, обошлось без ссор. Но мне было сложно. Ведь мы с Олей не просто встретились на съемочной площадке, как это было в «Гараже», но играли близких людей. По сюжету мой персонаж и Олина героиня любят друг друга, и нам предстояло сыграть сцену любви. Для меня это было нелегко.

— Но почему?

В. И.: Об этом лучше расскажет Оля.

О. М.: Вот тебе и на! Гафту было нелегко, а рассказать об этом должна Ос-

троумова. Но я не знаю, что у тебя вызывало трудности. Мне-то было легко!

В. И.: Она смотрела на меня такими влюбленными глазами, каких я до этого в жизни не видел. Я даже растерялся.

О. М.: Валя действительно очень боялся, что мы будем играть вместе, для него это было табу. Слава Богу, наконец оно нарушено. Я-то как раз ничего не боялась, и мне было очень легко смотреть на него влюбленными глазами.

— В картине действие развивается в 1946 году, в послевоенном провинциальном городке. Какие-то ассоциации с детством, юностью возникали?

В. И.: Мне тогда было 11 лет, и я хорошо помню то время. Персонажи очень похожи на тех, кого я видел в молодости, когда жил на улице Матросская тишина. Моими товарищами были уличные ребята, шпана. Дрались, выпивали. Они были как вожаки в волчьей стае.

— Живя с ними по законам волчьей стаи, вы были, выражаясь языком вашего

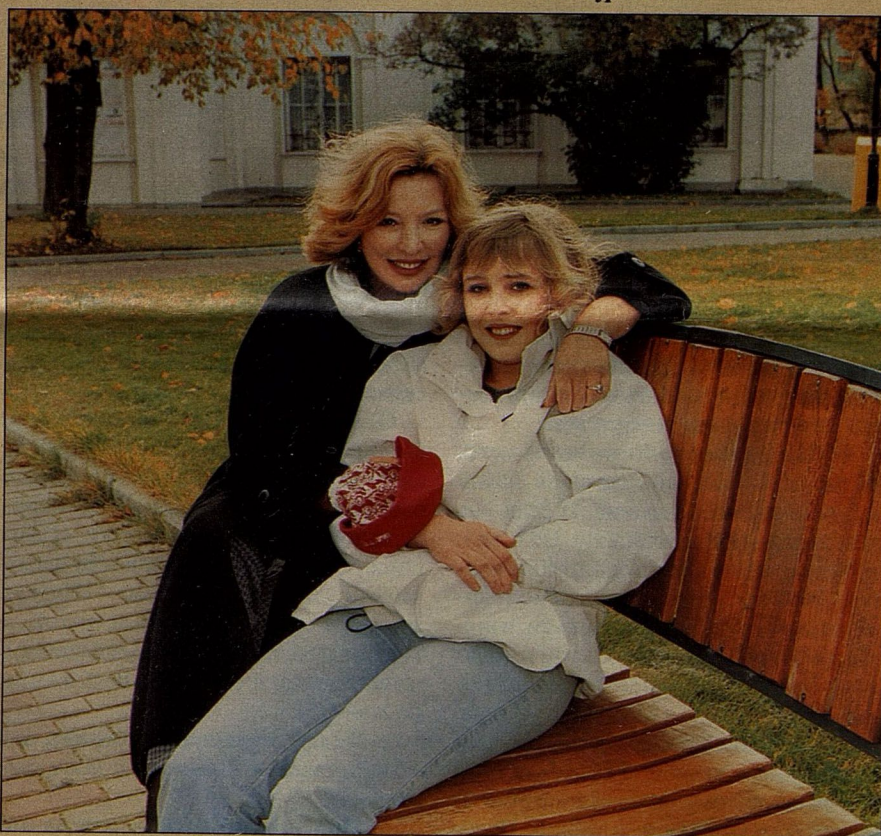
фильма, «по ту сторону волков»? Или условия вашей жизни отличались?

— Условия у всех были одинаково бедными. Мы жили в общей квартире, со множеством соседей, у меня не было новой одежды — я носил только перешитые вещи отца...

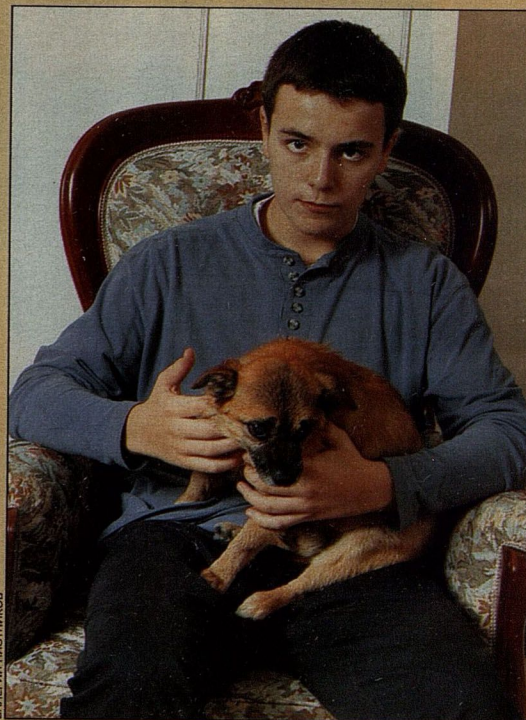
— Ваш выбор профессии не показался странным родителям?

— Папа вообще не вмешивался в мою жизнь, у него не хватало на это времени. Он работал следователем, во время войны — заместителем военного прокурора, потом — адвокатом. Мама всегда была очень занята по хозяйству и особенно на нас с сестрой не давила. После того как я уже поступил в Школу-студию МХАТа, мама спросила: «Чем ты там занимаешься?» — она думала, что это кружок какой-то. Я сказал: «Мы хлопаем в ладоши». Она шепнула мне: «Ты только никому не говори об этом».

— Ольга Михайловна, ваше детство пришлось на более поздние, 50-е годы. Оно тоже было бурным?

Ольга Михайловна с дочерью Ольгой Левитиной

ВАЛЕРИЙ ПЛОТНИКОВ

Миша Левитин

— Да нет, спокойное, ничего примечательного. У моих родителей было четверо детей, мы жили в Самаре. Дедушка был священником в городе Бугуруслане. Наверное, какие-то проблемы в связи с этим в семье существовали, но при нас, детях, на эти темы не говорили. Знаю только, что однажды дедушку вызвали в какие-то органы и там, прямо в кабинете, он умер от сердечного приступа... По жизни моим духовным наставником был папа, он работал учителем. Жили мы на его крохотную зарплату. И то, что все были сыты, одеты, обуты, — целиком мамина заслуга. Как она выкручивалась — до сих пор не понимаю. У мамы образования почти не было — 4 класса школы и все. Но читала она много, помню, Аксакова очень любила, ну и Библию, конечно. Я сама в детстве Библию на старославянском читала, а сейчас уже не сумею.

— Говоря без комплиментов — вы очень красивая женщина. Вы с детских лет отличались такой яркой внешностью?

— Нет, в детстве я была совершеннейшим гадким утенком, и это меня вполне устраивало. Поверите ли, я и сейчас не особенно забочусь о своей внешности.

«...Наша новая жизнь стала такой молодой, дурашливой и веселой. Именно после болезни Валя как-то вдруг сразу отпустил все воюжи. С той поры у нас в семье не стихает смех, мы все время хохочем...»

В. И.: Это действительно так. Но я считаю, что Оля красива всегда, у нее основа великолепная, данная от природы. Лицо у нее... волшебное. Конечно, когда она подкрашивается, причесывается — все становится как-то аккуратней, что-то подчеркивается, выделяются глаза. Но как их ни крась, они останутся такого же цвета и будут так же расположены на лице — огромные, широко расставленные. А какие у нее прекрасные волосы, скулы, губы, нос! Она замечательная!

О. М.: Кошка — так он меня называл... Но я никогда не стремилась быть красивой. Ведь это к чему-то обязывает, а я не люблю, когда меня к чему-то обязывают. Мне гораздо вольготнее ходить в старых джинсах, ненакрашенной...

В. И.: Такой стиль может себе позволить женщина, которая уверена в своей

красоте. Если человек не уверен в себе, он каждую минуту смотрит в зеркало, думает о том, как выглядит. А Оле не надо об этом думать. Она знает, что в нужный момент ей достаточно сделать два-три штриха... и она победит всех.

О. М.: Но чаще всего это проявляется на сцене. Я знаю, что буду такой, какой нужно быть моей героине. И если она красавица — я тоже стану ею. Но в жизни мне комфортнее ощущать себя никакой. Вообще, когда мне делают комплименты по поводу моей внешности, я всегда думаю: «Ну зачем же об этом говорят мне? Это же от папы с мамой, от природы». Другое дело — я абсолютно уверена, что с возрастом вся жизнь человека отражается у него на лице. И если бы я жила как-то по-другому, на моем лице отпечатались бы и угрюмость, и зависть, и зло-

ба... Слава Богу, ничего этого нет, хотя, опять же, спасибо родителям.

— *Но не хотите же вы сказать, что в юности в вас мало влюблялись как в красивую женщину?*

О. М.: Может быть, во мне всегда было какое-то обаяние? Как-то после окончания института мы встретились с однокурсницей. В разговоре об однокурсниках она вдруг говорит: «Помнишь, как тот парень был в тебя влюблен?» Я удивилась: «Да-а?!» — «Ну, как же, и другой был влюблен, и третий...» Так она перечислила всех мальчишек с нашего курса. Я обомлела. Ведь я этого не замечала.

— *Вы так неприступно держались, что молодые люди не смели вам в этом признаться?*

— Нет, просто не обращала на это

внимания. Я была погружена в мысли об одном мальчике, с которым у нас был роман. Это был мой первый, так называемый студенческий, муж. Потому что, окончив институт, мы разошлись. Он был во всех отношениях достойным юношей. Как-то я в него вперилась и больше ничего вокруг не видела... Хотя что-то про отношение ребят ко мне я, конечно, понимала. Но у меня есть такая способность — я всегда умела обращать влюбленность в себя в дружбу... (Лукаво посмеиваясь.) Знаете, у меня очень со многими мужчинами дружеские отношения.

— *Валентин Иосифович, в тот период, когда Ольга Михайловна конвертировала любовь в дружбу, вы были женолюбом?*

— В каком смысле?

— *В прямом. Вы любили женщин?*

— Я все время влюблялся. Мне очень нравились красивые женщины. Первый раз я женился в 23 года. Избранницей стала девушка из массовки — ослепительная красавица из интеллигентнейшей семьи.

О. М.: Какая массовка?! Алена же была манекенщицей.

В. И.: Ну я-то лучше знаю. Манекенщицей она стала уже при мне. Случайно. Ее встретили на улице и предложили работать моделью. Это было невероятно, и уже где-то через месяц она поехала во Францию, в Южную Америку, потом объездила полсвета.

— *Жена стала состоявшимся, обеспеченным человеком, а вы остались нищим артистом. Вам не было обидно?*

— Какая там состоявшаяся?! Манекенщицы тогда считались кем-то вроде уличных девочек. Когда она поступала в ГИТИС, ей сказали буквально так: «Вы повсеместно раздеваетесь догола и хотите поступать на театроведческий факультет?! Да вы что?!» Чуть ли не проститут-

Ольга Михайловна и Валентин Иосифович — люди очень занятые: работа в театре, киносъемки, домашние заботы... Свободный день, который они могут посвятить праздному ничегонеделанию, — большая редкость. На отдыхе в Подмоскowie

кой называли. Она сбежала с экзамена и в первый год не поступала. Вот такое было отношение. Но в результате Алена ГИТИС все-таки окончила и стала работать завлитом в Театре юного зрителя... Мы прожили с ней почти 10 лет. И это были не самые плохие годы в наших жизнях.

— *А почему все поломалось?*

— Просто что-то не получалось. Я допускал какие-то непозволительные выходы — уходил, приходил, меня прощали... А однажды приехал домой из Швеции со съемок фильма «Человек с другой стороны» и узнал, что у Алены появился человек, который впоследствии стал ее мужем. Она и до сих пор с ним живет. Алена — прекрасная женщина. И если бы она тогда не ушла, возможно, мы с ней, пройдя какие-то этапы, в результате были бы счастливы. Но она меня бросила, и я заслужил это.

— *Вы после этого были женаты?*

— Да, у меня было два брака, но оба короткие. И очень сложные. С одной женщиной я расписался только из-за то-

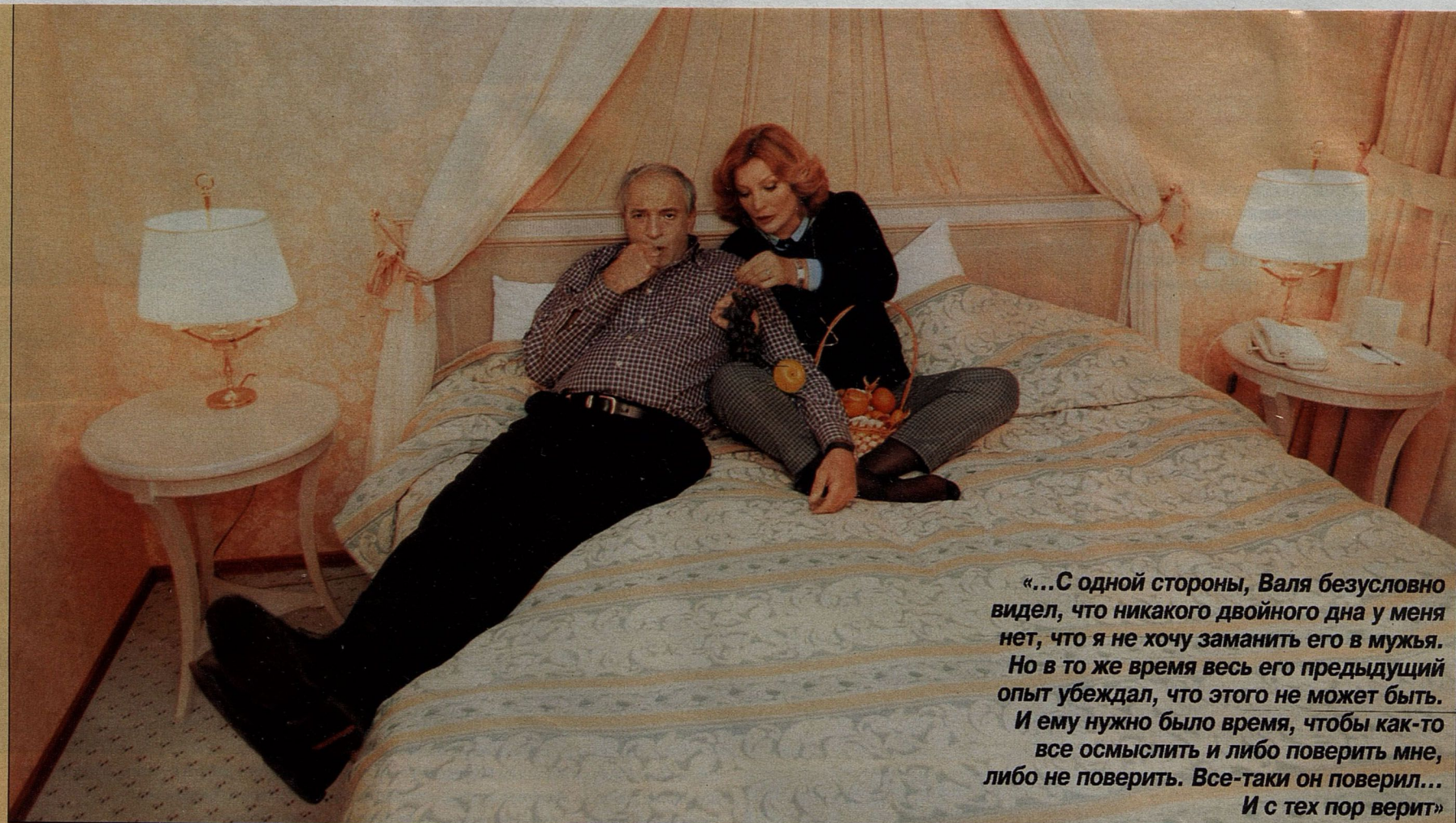
го, что она от меня родила ребенка. И сразу ушел. Участия в воспитании дочери я не принимал, общался с ней крайне редко, да и то когда она уже стала почти взрослой. К сожалению, с ней произошла трагедия, она погибла.

— *Вам никогда не хотелось что-то изменить в своей прошлой жизни?*

— Свою личную жизнь я, честно скажу, профукал. Очень много наделал глупостей. Жил начерно, все думал, что это пока некие пробы, а настоящее-то потом придет. К счастью, оно все-таки пришло. Жаль, что поздно. Но пришло же...

— *Когда вы осознали, что Ольга Остроумова для вас и есть то самое — настоящее?*

— Я ощутил это давно, еще на съемках фильма «Гараж». Оля мне очень понравилась. Но я узнал, что она замужем, что у нее ребенок, и, тяжело вздохнув, решил подвести черту под своими надеждами. Но в душу она мне запала. Я стал наблюдать за ее работами и понял, что и как актриса она мне очень

«...С одной стороны, Валя безусловно видел, что никакого двойного дна у меня нет, что я не хочу заманить его в мужья. Но в то же время весь его предыдущий опыт убеждал, что этого не может быть. И ему нужно было время, чтобы как-то все осмыслить и либо поверить мне, либо не поверить. Все-таки он поверил... И с тех пор верит»

нравится... А дальше вмешалась Судьба. Однажды я увидел Олю по телевизору и из ее слов понял, что у нее в жизни случилась какая-то беда.

О. М.: Валью поразила моя излишне откровенная и весьма резкая фраза, вырвавшаяся у меня в одном из телеинтервью. Я тогда сказала, что, невзирая ни на что, буду ждать принца, который придет и скажет: «Мне нужна ты, только ты, и больше никто». И даже если это будет сама Смерть, я с удовольствием пойду за ней. Психологически я тогда была в очень тяжелом состоянии — мы разошлись с мужем, и я осталась одна с двумя детьми. Я ощущала великую опустошенность. В тот период мне — человеку достаточно сильному — было очень страшно. Иногда я теряла веру в то, что смогу поднять детей. Но этот страх я в себе гасила, делала счастливое лицо и говорила: «Ребята, у нас все будет хорошо!» И я рада, что жизненные трудности не превратили меня в озлобленную, во всем разочарованную страдальцу. Хотя, конечно, всякие настроения были...

В. И.: И вот представьте — в тот мо-

мент, когда шла эта программа, я размышлял о своей жизни. Думал: «Господи, как я живу?» Мне было так плохо... Я понял, что мне надоело врать, надоело слышать вранье от других, меня утомили противоречия, в которых я запутался... И вдруг на экране появилась Оля — я просто впился в изображение, не мог оторвать глаз от ее дивного лица. А потом прозвучали эти Олины слова — точно такие, которые я хотел бы когда-нибудь услышать по отношению к себе. Они были сказаны очень красиво, честно, естественно. Да еще кем? Человеком, который мне очень нравился... И — вот вам Судьба — буквально на следующий день мне позвонили и пригласили выступить 8 Марта для какой-то организации в кафе в Сокольниках. Я отказался, объяснив, что не выступаю на таких мероприятиях, но любопытства ради поинтересовался, кто там будет. Среди фамилий довольно достойных людей я вдруг услышал: Ольга Остроумова. «Да, я буду», — сказал я... Вот так мы с Олей и встретились.

— И что же дальше?

— А дальше я понял, что без этого человека жить не могу.

О. М.: Ой, все придумывает. Ну почему ты выдумываешь? Ты тогда ничего не понял. Ни-че-го! А сейчас только выдаешь желаемое за действительное.

В. И.: Ну, конечно, «жить не могу» — это я сказал с перебором... Но я понял, что этот человек в меня засел, стал гвоздем в голове. И начал фантазировать на эту тему. Вот так все и началось.

О. М. (категорично): Ничего не началось. На том вечере Валя вел себя галантно, как кавалер, помню, предложил мне свой пиджак — было прохладно. Потом сказал: «Можно, я вам позвоню, и мы как-нибудь погуляем по парку Сокольники, где я провел детство?» Я ответила: «С удовольствием», — абсолютно ничего не вкладывая в эти слова.

— Но вам он нравился?

— Не могу так сказать. Я к нему относилась так же, как все женщины, — что-то такое недостижимое, далекое, одним словом — звезда. Себя я никогда не считала актрисой такого же уровня.

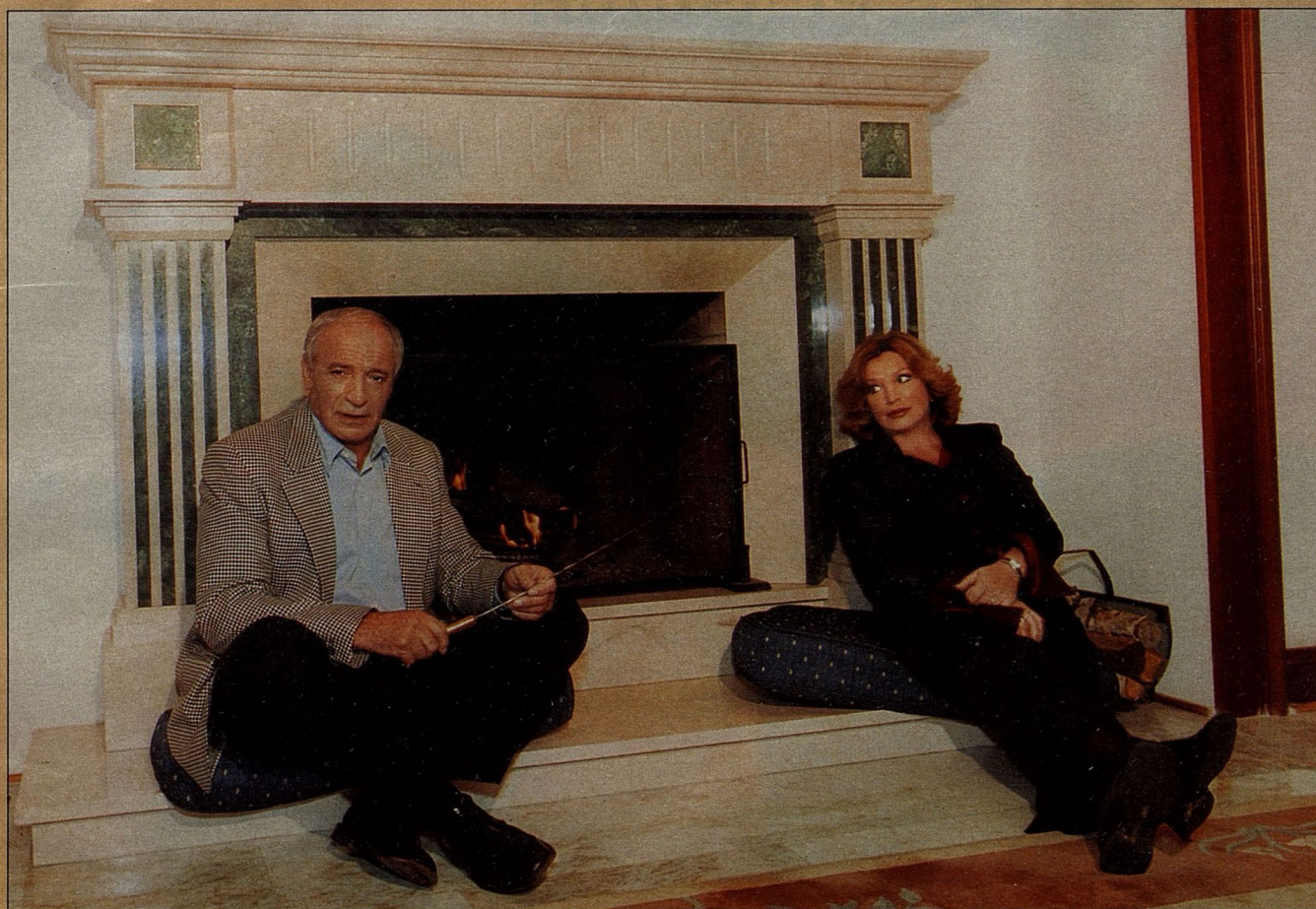
В. И.: Какая глупость! А я, наоборот,

всю жизнь думал, что я — никто, а Оля — актриса высочайшего класса.

О. М.: Валя, почему ты меня перебиваешь? Я же еще не договорила... Ну что я могла подумать, когда человек предложил мне погулять? Ничего! Помню, как-то Станислав Иосифович Ростокский мне сказал: «Что скажете, если я признаюсь, что вы мне нравитесь?» Я тогда совершенно искренне ответила: «Что ж тут такого, я могу, наверное, нравиться». Так и тут — я подумала, что, наверное, понравилась, но не более того. Погулять, пообщаться с интересным собеседником — пожалуйста. Но я никогда не смотрела на мужчин как на возможных последующих любовников или мужей. Я почему-то смотрела на них... (хохоча), как на людей. И никогда не отрицала дружбы между мужчиной и женщиной. Поэтому приглашение Гафта я вовсе не восприняла как предложение к дальнейшему развитию отношений.

— Итак, он немедленно позвонил, и вы пошли гулять.

— Он позвонил через два месяца.

— Почему так, Валентин Иосифович? С духом собирались?

— Да, я обдумывал. Я понял, что замахнулся на что-то слишком мощное, что с этим человеком так просто шутить нельзя... При этом в моей жизни еще сохранились какие-то остатки прошлого. Я не был свободен от семейных уз, хотя все уже кончалось, и, по сути, я сам себя освободил. Но я очень боялся перемен, все время сравнивал и думал: «Что же мне делать?»

— Что вас окончательно убедило решиться на кардинальные перемены?

— Когда мы с Олей уже стали встречаться и я попал к ней домой, я увидел —

извини, Оля, что я это рассказываю, — очень бедную семью, жуткую квартиру, двух прекрасных детей: Мише тогда было 9 лет, Оле — 17...

О. М.: Да не бедные мы совсем были. Просто жили трудно.

В. И. (с нажимом): Это была бедность — крошечные комнаты, мебель тридцатилетней давности, на столе — селедка, картошка, колбаса. Но для меня все это не имело никакого значения. Поразило больше всего то, что в этом доме нельзя было ни секунду соврать — ни себе, ни другим. Меня покорила — скажу банальное слово — чистота людей. Не представлял, что такое еще бывает.

— Вы это уловили на уровне интуиции?

— А это было во всем, в каждом движении. Я был поражен и восхищен тем, что известная на всю страну артистка оказалась Божьим человеком, ничем не испорченным, естественным, без всяких штампов. Все было просто и прямо. Наблюдая за этим, постепенно и я стал становиться лучше. Мне не приходилось напрягаться, что-то из себя изображать, фальшивить, а надо было просто оставаться самим собой. И я ощутил счастье.

— Но как вам удалось убедить Ольгу Михайловну? Ведь она, предпочитая с мужчинами дружить, не была готова к вашим чувствам.

— Я, как полагается, со страшной силой стал ухаживать за ней. Среди прочих способов я опустошал супермаркеты (они тогда только появились), старался купить им в дом какие-то вкусные и необычные вещи. Я зарабатывал больше, чем Оля, и мне очень хотелось что-нибудь хорошее для них сделать, чтобы они поверили, что я по-настоящему влюбился в их семью. Мне хотелось для них сделать все возможное и невозможное. Я и сейчас этого хочу.

О. М.: Кстати, первая наша ссора произошла в супермаркете. Валя привел меня туда и говорит: «Ну, выбирай, бери что хочешь!» Я смутилась и растерялась. Для меня это были немыслимые цены, а тратить его деньги я считала непозволительным. Он стал возмущаться, я тоже... Но как-то раз, уже спустя долгое время, я решила: «Ну ладно, сейчас я тебя разорю!» И когда в магазине Валя, как всегда, предложил мне что-то выбрать, я сказала: «Хочу это.. это.. это... и так далее...» Пока наконец он в ужасе не воскликнул: «Остановись, у меня денег не хватит!» Я была очень довольна.

— Вы полюбили друг друга уже в зрелом возрасте. Жизненный опыт помогает вам строить отношения? Вы стали мудрее, чем в юности?

В. И.: При чем тут возраст? Я не чувствую себя стариком.

О. М.: Когда мне было лет 35, я думала: «Как бы прожить так, чтобы не состариться? Не внешне, а внутренне. Чтобы не перестать удивляться, восхищаться, чтобы не превратиться в такую правильную всезнающую монстрику». Так вот сейчас я умом понимаю, что мне уже немало лет, но я их не чувствую. И счастлива оттого, что ничего-то я, оказывается, в жизни не знаю. Разумеется, какой-то маленький опыт есть, но это просто крохи. Вот интуиция, пожалуй, с возрастом развилась. А никакой мудрости и зрелости мы с Вале

«...В Олиной семье меня покорила чистота людей. Все было просто и прямо. Мне не приходилось напрягаться, что-то из себя изображать, а надо было просто оставаться самим собой. И в этом я ощутил счастье...»

не ощущаем. И это прекрасно.

В. И.: У меня такое ощущение, что я с Олей прожил всю свою жизнь. Не хочу помнить, что было что-то еще. Не было ничего другого — и все!

О. М.: Поначалу я немножко побаивалась Валентина Иосифовича, ведь по облику Гафт представляется таким злым, язвительным, жестким человеком — таким бесстрастным суперменом. И вот однажды мы с ним сидели на кухне, общались, ели какие-то сардельки, и вдруг Валя начал мне читать лирику Маяковского. Как он читал! И я увидела его — совершенно другого. Я почувствовала, поняла, что общепринятый образ

Гафта — это его маска, защита, что настоящий он — ранимый, незащищенный, совершенный ребенок, человек без кожи. Поэтому его очень легко ранить. Ну абсолютно без кожи, представляете? Дотронешься — и сразу рана. Вот он и выпускает иголки, как роза у Сент-Экзюпери. Вот это я в нем угадала... И, осознав это, Валентин Иосифович испугался.

— **Как вы это поняли?**

— А он прекратил всякие отношения. Причем резко.

— **Вы уже к этому времени полюбили его?**

— Не знаю. Но то, что я к нему про-

никлась, — это точно. Доверилась ему душевно, а он вдруг сразу все пресек. Сначала я просто была ошарашена, потом конечно же обиделась. Ну понятно — ничего нас особенно не связывало, можно было и разойтись. Но мне казалось, что расставаться тоже надо как-то по-человечески. А не так: «Я тебе позволю», — и все, исчезнуть на четыре (!) месяца. И это при том, что в тот вечер между нами была абсолютная раскрытость, близость — не столько интимная даже, сколько душевная... Но все же я в душе — говорю вам сейчас совершенно интимные вещи — чувствовала, что это не финал наших с Валею отношений. Четы-

ре месяца спустя он мне позвонил и сказал: «Я не могу без тебя жить». И я его поняла — это время ему нужно было, чтобы разобраться в себе.

В. И.: Знаете, это была прекрасная пауза. Оля у меня как в сейфе лежала, пока не наступил момент, когда я понял: надо открывать. И я открыл...

— **Удивительно, что Ольга Михайловна вас верно поняла.**

О. М.: Весь опыт его прежней жизни не позволял ему сразу поверить в мою искренность. Возможно, он встречал таких женщин, которые все время чего-то требовали от знаменитого Гафта. А требовать от него ничего нельзя. (Со

ТЕТ-А-ТЕТ

смехом.) Это я уже сейчас точно знаю. Разумеется, я не имею в виду Алену — они тогда были молодые, и это совсем другое дело... Неудивительно, что и мне Валя сначала не поверил...

В. И.: Оля — стопроцентный психолог. Все, что говорит, — правда.

О. М.: С одной стороны, он, безусловно, видел, что никакого двойного дна у меня нет, что я не хочу заманить его в мужа. Но в то же время его предыдущий опыт убеждал, что этого не может быть. И ему нужно было время, чтобы как-то все осмыслить и либо поверить мне, либо не поверить. Все-таки он поверил... И с тех пор верит. Хотя, конечно, в первые годы нашей жизни у Вали возникали рецидивы прошлого, когда я ощущала, что завтра у нас все может распасться...

В. И.: Это она говорит для того, чтобы вы не подумали: «Ах, какое у них безоблачное счастье». Да, мы не ангелы. Точнее, я не ангел...

О. М.: Наконец в один прекрасный момент все это напряжение снялось и жить нам стало замечательно — смешно, озорно и очень молодо.

В. И.: Умница ты моя. Оля, знаешь, что я тебе хочу сказать? Ну, спроси меня: «Что?»

О. М. (улыбаясь): Да не буду я спрашивать.

В. И.: Ну и не надо. Я все равно скажу. Я тебя очень люблю, Оля. Очень.

О. М. (смеясь): Ну и замечательно. — *А вы официально оформляли ваш брак?*

О. М.: Это забавная история. Мы могли бы не расписываться еще сто лет, но нас вынудили обстоятельства. У Вали была однокомнатная 18-метровая квартира, у меня с детьми — маленькая трехкомнатная. И он как-то сказал: «Слушай, нам надо купить нормальную квартиру». В общем, появилась возможность приобрести ее по льготной цене, мы взяли кредит в банке, но тут выяснилось, что на одного Гафта квартиру не дают. Для того чтобы получить ее, нам надо было расписаться. А он в это время был серьезно болен — пять лет мучился, пока ему не поставили диагноз и наконец прооперировали. Так вот, Валя как раз лежал в больнице после операции. Я пришла к нему и сказала: «Ну, расписаться со мной нормально ты не можешь — это понятно. Но крестик-то хоть поставить сумеешь?» И он поставил...

— *Вы привели в больницу сотрудников загса?*

О. М.: Не я, а одна замечательная женщина, которая помогала нам в оформлении квартирных документов. Она сказала: «Так, мне завтра нужны ваши паспорта со штампами». Их надо было куда-то нести. Я говорю: «Но как же быть, Валя ведь в больнице». «Это не проблема, я все организую», — ответила она. И привела в палату работницу загса, которая принесла с собой бланки и печати.

В. И.: Я был в таком состоянии, что сказал: «Я сейчас подпишу все, что вы захотите». И поставил свой крестик... Это было чудесно, необычно. У нас с Олей так и должно было быть. Мы же не стали бы играть какую-то бессмысленную свадьбу — это просто ересь. А тут все само собой сложилось.

О. М.: Быть может, эти обстоятельства и дали своеобразный толчок для нашей новой жизни, ставшей такой молодой, дурашливой и веселой. Именно после болезни Валя как-то вдруг сразу отпустил все вожди. С той поры у нас дома не смолкает смех, мы все время хохочем. Валя уже привык, что мы с сыном бесконечно над ним подтруниваем, все время разыгрываем его.

— *Ольга Михайловна, многие женщины из-за детей не решаются создавать семью с другим человеком. Вы не боялись возможных проблем?*

— Я всегда говорила детям, что у них один отец — Михаил Захарович Левитин. И другого отца никогда не будет. Но друзей у них может быть много, в том числе и среди взрослых людей. Думаю, что Валентин Иосифович и для Оли, и для Миши стал настоящим другом.

В. И.: Мне было очень нелегко. Появившись в их жизни, я отчетливо понимал, что у ребят был, есть и всегда будет отец — очень талантливый режиссер, известный человек, с которым я остаюсь в хороших отношениях. По-моему, я нашел в себе какое-то разумное отношение к этому сложному вопросу. Я су-

мел убедить ребят в том, что не пришел к ним в дом как новый папа, но временно и в том, что я для них не чужой человек. Мне кажется, что дети тоже, многое пережив, поняли меня. Особенно Миша — мы с ним прошли сложный период привыкания, нащупывания друг друга. И постепенно, без резких движений, очень аккуратно мы с ним сблизились, чисто по-человечески заинтересовались друг другом. Сейчас он уже учится на 3-м курсе РГГУ на историко-филологическом факультете. Я не боюсь сказать, что полюбил его. Так привык, что просто не представляю свою жизнь без него. Я с ним советуюсь, он очень хорошо образован, великолепно разбирается в литературе и истории, в кино и театре, потрясающе знает спорт. Это счастье, что у меня в доме есть этот мальчик... А его сестра Оля живет отдельно со своим мужем, она актриса, сейчас играет в театре «Эрмитаж». Очень талантливая девочка.

— *Ольга Михайловна, позвольте пообщаться — у вас в семье есть какое-то разделение обязанностей?*

О. М.: Безусловно, и очень четкое! Валентин Иосифович у нас — артист, а я — все остальное. И иногда тоже артистка.

В. И.: Неправда! Оля прежде всего — артистка. Но у нее потрясающе много энергии, и она каким-то образом все успевает. Я поражаюсь, как ей удается утром поехать на рынок, в магазин, днем приготовить обед, а вечером — даже не присев — идти играть Раневскую в «Вишневом саде». Причем играет она великолепно.

— *Разве ваши знаменитые походы по супермаркетам не облегчают жизнь супруге?*

О. М.: Да что вы! Все походы Валентина Иосифовича по хозяйству закончились давным-давно... (С улыбкой.) Вместе с его романтическими ухаживаниями.

Татьяна ЗАЙЦЕВА
Фото Елены СУХОВОЙ